

СОУЧАСТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО И НЕСПЕЦИАЛЬНОГО (ОБЩЕГО) СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ КРИМИНОЛОГО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА

Исследуются дискуссионные вопросы соучастия специального и неспециального (общего) субъектов преступления (ч. 4 ст. 34 УК РФ). По мнению автора, сочетание в рамках криминологического-правового подхода специфических методов уголовного права и криминологии как самостоятельных, но взаимосвязанных отраслей научного знания, позволяет преодолеть формализованные уголовно-правовые характеристики института соучастия и с учетом его социальных оснований определить новые возможные перспективы изучения.

Ключевые слова: криминологический подход; специальный субъект преступления; соучастие.

Проецируя нормы и институты уголовного права на реальные общественные отношения, криминология в известной степени ограничена его предписаниями в выборе предмета исследования. Однако использование специфических методов и привлечение междисциплинарных возможностей позволяют ей преодолеть узкое формальное видение науки уголовного права и выявить важные сущностные особенности изучаемых социальных явлений. Подход, представляющий собой «такое сочетание уголовно-правовых и криминологических методов исследования, которое позволяет установить для каждого вида формализованных в уголовном законе общественных отношений или явлений материальную (социальную) основу» [1. С. 8], мы именуем криминологическим-правовым.

Применение указанного методологического подхода к анализу института специального субъекта преступления предоставляет возможность рассмотрения под иным углом и вопросов, с ним связанных. В частности, полагаем, что выявленная связь природы специального субъекта преступления с криминальной реализацией статусно-ролевых возможностей рисует новые перспективы решения вопроса о квалификации преступлений, совершенных в соучастии специальным и неспециальным субъектами преступления.

С законодательной точки зрения, действия неспециального субъекта преступления, участвовавшего в совершении преступного деяния наряду со специальным субъектом, подлежат квалификации как организаторские, подстрекательские или пособнические (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Так, заведующая общежитием Д. совместно с Л., занимавшим должность главы местного самоуправления, осуществляли действия по предоставлению жилого помещения вне очереди, а также по изданию незаконных распоряжений о регистрации граждан за встречное материальное предоставление. Судом Л. признан виновным в получении взятки, а Д. – в осуществлении пособнических действий при получении взятки. Мотивируя решение, суд указал, что «Д. выполняла роль пособника в получении взятки Л., действуя в его интересах, получая вознаграждение из получаемых им сумм» [2. С. 10].

Вместе с тем соучастие специального и неспециального субъектов в совершении преступления может принимать и иной вид, а именно: объективная сторона деяния в полном объеме выполняется неспециальным субъектом, а специальный субъект организует совершение деяния, подстрекает к нему или осу-

ществляет пособнические действия – подобная ситуация проанализирована А.Н. Поповым и В.С. Прохоровым на примере детоубийства, когда действия мужа, нанесшего смертельные удары младенцу, были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия подстрекнувшей его к этому жены – по ч. 4 ст. 33 и ст. 106 УК РФ как соучастие в убийстве матери новорожденного ребенка [3. С. 125–130].

При третьем варианте объективная сторона деяния выполняется обоими субъектами частично, т.е. имеет место соисполнительство или групповое преступление. Норма ч. 4 ст. 34 УК РФ, исключающая возможность квалифицировать действия указанных субъектов как соисполнительство, является камнем преткновения и в теории, и в практической деятельности судов.

Так, согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, устанавливается зависимость между характером преступного деяния и квалификацией совместных действий специального и неспециального субъектов преступлений. К примеру, соисполнителем изнасилования может признаваться и женщина, которая «путем применения насилия или угроз содействовала другим лицам в совершении преступления» [4]. В то же время субъектами группового присвоения или растраты могут выступать только лица, которым «чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности» [5]. Аналогичной является позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно получения взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору [6].

Анализ судебной практики в части квалификации преступлений со специальными субъектами показывает, что аналогичные ситуации разрешаются по-разному. Так, судом установлено, что Герус, являясь начальником станции электроснабжения, при пособничестве Царенко осуществил растрату денежных средств из фонда заработной платы, вверенных ему в связи с занимаемой должностью. Роль Царенко выразилась в даче им согласия на фиктивное трудоустройство на станцию в качестве электромонтера и последующей передачи части начисляемых средств заработной платы Герусу. Последний, выступая исполнителем преступления, подписал приказы о принятии на работу Царенко, а также ежемесячные реестры на перечисление сумм заработ-

ной платы на банковские карты рабочих станций. Суд, квалифицировав действия Геруса по ч. 3 ст. 160 УК РФ, вменил ему квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору». Вышестоящая инстанция приговор изменила в указанной части со ссылкой на п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», с учетом которого Царенко, не обладая признаками специального субъекта растраты, не мог выступать в качестве соисполнителя деяния. Отсюда признак «группа лиц по предварительному сговору», предполагающий совместное совершение преступления двумя или более исполнителями, отсутствует [7].

В другом случае по делу в отношении Судына, Снигиря, Белякова о фиктивном трудоустройстве и растрате посредством аналогичного способа сумм ежемесячной заработной платы, суд квалифицировал действия Судына по ч. 3 ст. 160 УК РФ, а действия Снигиря и Белякова – по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ, сославшись на ч. 4 ст. 34 УК РФ [8].

Приведенные судебные решения показывают, что понимание правоприменителем правовой природы специального субъекта преступления не препятствует квалификации его действий как соисполнительских при установлении фактического группового совершения преступления. Полагаем, что причиной этого выступает осознание необходимости отразить в квалификации групповой характер преступления при наличии установленных признаков, а значит, его повышенную общественную опасность и основания для более строгого наказания. В свете указанного следует признать, что норма ч. 4 ст. 34 УК РФ препятствует юридически значимому отражению объективных событий в ходе правоприменения.

Вместе с тем правовая позиция Верховного Суда РФ противоречива в части квалификации указанных выше преступлений, совершенных организованной группой, что в теории вызывает критические замечания [9. С. 213–218]. Так, когда речь идет о получении взятки или предмета коммерческого подкупа организованной группой, состоящей хотя бы из одного должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, привлечение к уголовной ответственности по ст. 290 и 204 УК РФ осуществляется без ссылки на ст. 33 УК РФ, независимо от того, какую роль выполняло лицо, не отвечающее признакам специального субъекта преступления, но являвшееся членом этой группы и принимавшее участие в подготовке и совершении указанных преступлений [6]. Однако когда говорится о совершении организованной группой присвоения или растраты, позиция Верховного Суда РФ совершенно обратна указанной выше и соответствует ч. 4 ст. 34 УК РФ: лица, не обладающие специальными признаками субъекта присвоения и растраты, являющиеся членами организованной группы и принимавшие участие в подготовке и совершении данных преступлений, несут ответственность как организаторы, подстрекатели или пособники [5].

Правовые позиции законодателя и правоприменителя порождают в уголовно-правовой науке попытки

объяснить как ту, так и другую. Так, аргументация сторонников соисполнительства сводится к необходимости отражения в квалификации группового характера преступления и соблюдения принципа справедливости в отношении применяемых санкций [10. С. 68–71]. Обосновываются предложения по квалификации таких преступлений вне института соучастия. По мнению Р.Р. Галиакбарова, при отсутствии признаков соучастия возможно совершение преступления в составе группы лиц: «... Соучастие может быть, а может и отсутствовать» – все зависит от задач, преследуемых законом: либо под группой лиц подразумевается форма соучастия, либо имеется в виду способ совершения деяния [11. С. 21–22].

Обоснование позиции пытаются отыскать в неравнозначности понятий «исполнитель» и «соисполнитель», рассматривая последнего как «лицо, которое участвует в преступлении, но не выполняет весь его состав», при этом утверждается возможность образования соисполнителями группы лиц [12. С. 9–11].

Также отмечается, что, будучи неразрешенным в законе, этот вопрос по-своему воспринят практикой: «... при совершении преступлений против личности, совершаемых субъектом в соисполнительстве с «несубъектом», виновному, как правило, вменяется квалифицирующий признак «группа лиц» [13. С. 45–49]. Авторами также предлагается внести изменения в главу о соучастии, например ввести термины «умышленное сопричинение» [13. С. 45–49; 14. С. 48–50], «посредственное причинение вреда» [15. С. 3–5] применительно к случаям, когда специальный субъект подстрекает, пособничает или организует преступные действия общего субъекта.

Контраргументация рассмотренной позиции основана на призывах не отклоняться от догматов уголовного права в части понимания института соучастия, не позволяющих квалифицировать действия общего и специального субъектов как соисполнительские [16. С. 319]. Авторами утверждается, что соисполнительство в преступлениях со специальным субъектом возможно лишь в случае, если «каждое из участвующих в таком преступлении лиц отвечает признакам его специального субъекта» [17. С. 7–8].

Рассмотрение проблемы соучастия специального и неспециального субъектов в криминологическом ключе, в первую очередь, предполагает выявление криминологических и уголовно-правовых особенностей института соучастия. Так, отмечается, что «в криминологии понятие “совместная деятельность” имеет более широкий смысл, чем в уголовном праве, и включает в себя любую деятельность участников, направленную на функционирование, развитие преступной группы» [18. С. 60–63]. Основу более узкого уголовно-правового значения данного термина образует зависимость мер ответственности от характера и степени участия лица в совершении преступления совместно с другими лицами, что следует из содержания ч. 1 ст. 34 УК РФ. Криминологический подход должен максимально сочетать в себе оба указанных начала.

Кроме того, необходимо иметь в виду криминологическую специфику механизма совершения пре-

ступления специальным субъектом, когда в силу социального статуса он выступает участником общественных отношений, на которые осуществляет посягательство за счет статусно-ролевых возможностей. Это обстоятельство, во-первых, придает уголовно-правовое значение его социальному статусу как специальному признаку субъекта преступления. Во-вторых, связь между уголовно значимым социальным статусом субъекта и возможностью посягать на определенные общественные отношения объективно ограничивает способность иных лиц причинить преступный вред отдельным уголовно охраняемым объектам. Это обуславливает повышение общественной опасности специального субъекта, а также самого совершенного им деяния.

В этой связи показателен следующий пример: военнослужащие по призыву Тимохин и Шадып противоправно применили насилие в отношении своего начальника, а также совершили насильственные действия в отношении десяти своих сослуживцев. Виновные действовали согласно заранее достигнутой договоренности, в качестве повода применения насилия используя выдуманный Тимохиным факт пропажи мобильного телефона, насильственные действия в отношении потерпевших осуществляли в равной степени. Вместе с тем в ходе расследования было установлено, что Тимохин медицинской комиссией признан ограниченно годным к военной службе, т.е. по состоянию здоровья не мог нести военную службу, а значит, в уголовно-правовом смысле не является субъектом воинского преступления. Следуя ч. 4 ст. 34 УК РФ, суд пришел к выводу, что «поскольку Тимохин не является субъектом воинского преступления, однако принимал участие в совершении вышеописанных преступных деяний, то его действия подлежат квалификации как действия пособника, так как находятся за пределами рамок преступлений, совершенных исполнителем Шадыпом» [19].

Приведенный пример интересен постольку, поскольку иллюстрирует положение, когда у суда отсутствует возможность дать максимально объективную правовую оценку реальной ситуации в связи с предписанием нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ: несмотря на фактическое соисполнительство, окончательная квалификация действий субъектов не содержит указания на групповой характер деяния – Тимохин осужден по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ и ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 334 УК РФ; Шадып – по п. «б» ч. 2 ст. 335 и ч. 1 ст. 334 УК РФ. Важно, что насильственные действия в отношении начальника (ч. 1 ст. 334 УК РФ) – это преступление средней тяжести, тогда как совершение его в составе группы лиц повышает общественную опасность деяния до уровня тяжкого. Кроме того, определяя меру наказания, суд не учел групповой характер совершенных деяний и не применил п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Результат – условное лишение свободы каждому из соучастников с меньшим сроком для пособника Тимохина.

Представляется очевидным, что соответствие выводов суда предписанию ч. 4 ст. 34 УК РФ в данном случае привело к нарушению принципа справедливости в части несоразмерности назначенного наказания

характеру и степени общественной опасности содеянного, ведь далеко не случайно в ч. 7 ст. 35 УК РФ содержится указание на необходимость более строгого наказания за групповое преступление. Очевидно, что его общественная опасность на порядок выше этого же показателя деяния, совершенного лицом единолично.

Важно учесть, что в рассмотренной ситуации Тимохин, не обладающий в юридическом смысле статусом военнослужащего, фактически исполнял обязанности военной службы, т.е. являлся участником соответствующих общественных отношений, в связи с чем был способен причинить им вред.

Возникновение подобных ситуаций В. Винокуров ставит в зависимость от способа законодательного описания признаков субъекта правоотношений, избираемого с учетом «фактической возможности совершить действия, характеризующие объективную сторону преступления, а также стремления законодателя ограничить сферу действия уголовного закона» [20. С. 12–16]. Рассмотренная выше ситуация является примером фактической включенности Тимохина и правовой включенности Шадыпа в соответствующие правоотношения. Действительно, Тимохин, не обладая необходимым для квалификации социальным статусом, фактически имел возможность совершить те же преступные действия, что и Шадып, таким социальным статусом обладающий.

Представляется, что фактическая включенность неспециального субъекта в правоотношения, требующие наличия определенного статуса, возможна в связи с тем, что при совершении ряда деяний со специальным субъектом «попутно» вред причиняется иным уголовно-охраняемым благам, например жизни, здоровью личности. Подобная логика объясняет включение специальных признаков субъекта в квалифицированные составы «общеуголовных» деяний. Причинение вреда указанным дополнительным объектам связано с совершением действий, не требующих наличия специфических характеристик у субъекта преступления, поэтому они вполне могут быть совершены и неспециальным субъектом. Отсюда преступления со специальным субъектом, состав которых характеризуется многообъектностью, вполне могут быть совершены при фактическом соисполнительстве с неспециальным субъектом. Именно в данном случае уголовно-правовое понимание соучастия в форме соисполнительства должно быть дополнено криминологической составляющей: пониманию совместности не должно препятствовать отсутствие у субъекта возможности посягать на определенный объект *de jure* при наличии такой возможности *de facto*. Характерным является рассмотренный выше приговор по делу Тимохина и Шадыпа.

Указанной логике соответствует позиция Пленума Верховного Суда РФ относительно преступного нарушения Правил дорожного движения: «Субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признается не только водитель, сдавший экзамены на право управления указанным видом транспортного средства и получивший соответствующее удостоверение, но и любое другое лицо, управлявшее транс-

портным средством, в том числе лицо, у которого указанный документ был изъят в установленном законом порядке за ранее допущенное нарушение пунктов Правил, а также лицо, не имевшее либо лишенное права управления соответствующим видом транспортного средства» [21]. Комментируя эту позицию, В.И. Пикуров отмечает, что «раскрытие признаков субъекта этого преступления не требует обращения к специальным правилам. Они определяются, исходя из фактически выполняемой лицом функции по управлению транспортным средством» [22. С. 67].

Представляется, что приведенная позиция вполне может быть применена при рассмотрении случаев соучастия специального и неспециального субъектов, поскольку вне зависимости от правомерности наделения лица тем или иным статусом, его реализация предполагает следование нормативным положениям, регламентирующим порядок осуществления прав и исполнения обязанностей. Кроме того, восприятие социумом такого лица основывается на ожидании от него определенного поведения (экспектациях), а в ряде случаев – на авторитете, в совокупности с протекающими из него правовыми возможностями виктимизации – все это обуславливает характер взаимодействия лица с социумом. Отсюда с позиции криминологического-правового подхода полагаем, что каждый случай совершения преступления лицом, не обладающим соответствующим социальным статусом либо наделенным уголовно значимым статусом с нарушением установленного порядка (ошибочно), следует квалифицировать так, как если бы этого нарушения не существовало. Естественно, что факт неправомерного наделения соответствующим статусом (или присвоения) требует отдельной правовой оценки. Применительно к деянию Тимохина и Шадыпа указанный вывод означает необходимость квалификации их действий как преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору.

Таким образом, налицо неуниверсальный характер нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ, предписывающий единообразный порядок квалификации преступных действий специального и неспециального субъектов вне зависимости от характера этих действий. Полагаем, что при применении указанной нормы судам необходимо каждый раз учитывать особенности конструкции состава вменяемого преступления с признаками специ-

ального субъекта, поскольку его элементы в силу связей взаимодетерминации [23. С. 284] отличаются определенной спецификой.

Полагаем, что указанные особенности преступлений со специальным субъектом и следует учитывать судам при применении нормы ч. 4 ст. 34 УК РФ. В этой связи представляется возможным предложить следующую ее редакцию: «Лицо, не обладающее признаками социального статуса или роли, специально указанными в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя или пособника. Действия такого лица, непосредственно направленные на совершение указанного преступления, подлежат оценке как соисполнительские, если судом установлены основания для этого».

Толкование указанной нормы необходимо дать в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к каждому виду преступлений со специальным субъектом, характеризующихся многообъектностью. В принципе, это уточнение неоригинально, поскольку высшая судебная инстанция активно использует механизмы официального разъяснения для формирования единообразного подхода к квалификации отдельных видов преступлений со специальным субъектом. В частности, в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [24] после слов «действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК РФ» следует дополнить указанием «Эти же действия, совершенные при непосредственном участии лица, не обладающего признаками должностного лица, следует квалифицировать как соисполнительские по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 286 УК РФ. Аналогично по совокупности с ч. 1 ст. 203 УК РФ должны квалифицироваться действия руководителя или служащего частной охранной или детективной службы, совершившего убийство при превышении полномочий при непосредственном участии лица, не обладающего указанными специальными признаками».

ЛИТЕРАТУРА

1. Караваева Ю.С. Специальный субъект преступления: криминологический-правовой подход. Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2018. 194 с. (в печати).
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 22.12.2008 № 87-008-17 // Бюллетень ВС РФ. № 10. 2009. С. 10.
3. Уголовное дело № 2-135 // Архив Ленинградского областного суда. Пример взят из: Попов А.Н., Прохоров В.С. Проблемы соучастия в детоубийстве // Правоведение. 2002. № 1 (240). С. 125–130.
4. Постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. № 284. 12 дек.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2008. № 4. 12 янв.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154. 17 июля.
7. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 02.03.2015 № 44у-28/2015. URL: <https://rospravosudie.com>
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда от 07.04.2015 № 22-238/2015. URL: <https://rospravosudie.com>.
9. Лебедев А.Е. К вопросу о квалификации групповых преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 213–218.

10. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершенных специальным субъектом // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12–16.
11. Галиакбаров Р.Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве // Советская юстиция. 1970. № 20. С. 21–22.
12. Лысов М. Юридическая природа соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Советская юстиция. 1971. № 4. С. 9–11.
13. Власов Ю. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта // Уголовное право. 2007. № 2. С. 45–49.
14. Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 48–50.
15. Арутюнов А. Проблемы ответственности соучастников преступления // Уголовное право. 2001. № 3. С. 3–5.
16. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 362 с.
17. Ушаков А. Квалификация преступлений, совершаемых частными лицами в соучастии со специальным субъектом // Советская юстиция. 1972. № 12. С. 7–8.
18. Прокументов Л.М. Некоторые криминологические вопросы соучастия в уголовном праве РФ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 11. С. 60–63.
19. Приговор Магнитогорского гарнизонного военного суда от 03.03.2015 № 1-2/2015. URL: <https://rospravosudie.com>
20. Винокуров В. Способы указания на субъект правоотношений и проблемы квалификации // Уголовное право. 2009. № 4. С. 12–16.
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. 2008. № 265. 26 дек.
22. Пикуров Н.И. Квалификация транспортных преступлений : науч.-практ. пособие. М. : РАП, 2011. 168 с.
23. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948. 496 с.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. № 24. 9 февр.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 апреля 2018 г.

COMPLICITY OF SPECIAL AND NON-SPECIAL (GENERAL) SUBJECTS OF CRIME IN THE LIGHT OF A CRIMINOLOGICAL AND LEGAL APPROACH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/434/25

Yuliya S. Karavaeva, Perm State University of Humanities and Education (Perm, Russian Federation). E-mail: PalSysoich@yandex.ru

Keywords: criminological and legal approach; special subject of crime; complicity.

The aim of the article is to substantiate the expediency of application of a criminological and legal approach developed by the author to the assessment of acts of special and non-special (general) subjects of joint crimes. The analysis of the materials of judicial practice shows a lack of a uniform approach to the application of Part 4 of Article 34 of the RF Criminal Code, which establishes the rule of qualification of jointly operating special and non-special (general) subjects of crimes. There are also different explanations of the highest court in relation to certain types of crimes. In theory, despite the protracted discussion since the Soviet era, there is no unanimity: on the one hand, there is a need to reflect the group nature of a crime in the qualification; on the other, the proposed options do not fit into the criminal law doctrine of complicity. The empirical basis of the study is the materials of judicial practice in cases on crimes committed by special and non-special (general) subjects. The methodological basis of the work is represented by a combination of specific research methods inherent in criminal law and criminology as independent but interrelated branches of scientific knowledge, which allows to overcome the formal criminal law characteristics of an institution and reach their deeper, essential features. A criminological and legal consideration of the identified problem involves primarily an appeal to the mechanism of committing a crime with a special subject. Its specificity lies in the fact that, as a party to public relations protected by criminal law, the subject aggresses them using his/her status capabilities. At the same time, when crimes are committed, along with specific social relations, the accompanying benefits protected by criminal law also suffer. Causing harm to these additional objects is associated with the commission of crimes that do not require specific characteristics of the subject of a crime, so they may well be committed by a non-special subject. Hence, crimes aimed at multiple objects committed by a special subject can as well be committed jointly with a non-special subject. It is in this case that the criminological and legal understanding of complicity in the form of joint participation should be supplemented by a criminological component: the understanding of jointness should not be hindered by the lack of the subject's ability to endanger a certain object de jure in the presence of such an opportunity de facto. Taking into account the above, it is proposed to amend Part 4 of Article 34 of the RF Criminal Code which allow the law enforcer to reflect the group nature and, consequently, the increased public danger of relevant crimes when qualifying them.

REFERENCES

1. Karavaeva, Yu.S. (2018) *Spetsial'nyy sub"ekt prestupleniya: kriminologo-pravovoy pokhod* [Special subject of the crime: criminological legal approach]. Perm: Perm State Humanitarian -Pedagogical University. (In print).
2. RF Supreme Court. (2009) *Opreделение Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo suda RF ot 22.12.2008 № 87-008-17* [Determination of the Judicial Collegium on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 87-008-17 of December 22, 2008]. *Byulleten' VS RF*. 10. pp. 10.
3. Archive of the Leningrad Regional Court. Criminal Case No. 2-135. (In Russian).
4. Rossiyskaya gazeta. (2014) *Postanovlenie Plenuma VS RF ot 04.12.2014 № 16 "O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti"* [Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation No. 16 of 04.12.2014 "On court practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual"]. *Rossiyskaya gazeta*. 284. 12 December.
5. Rossiyskaya gazeta. (2008) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2007 № 51 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 of December 27, 2007 "On court practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement"]. *Rossiyskaya gazeta*. 4. 12 January.
6. Rossiyskaya gazeta. (2013) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 "O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of July 09, 2013 "On court practice in cases of bribery and other corruption crimes"]. *Rossiyskaya gazeta*. 154. 17 July.
7. Resolution of the Presidium of the Orenburg Regional Court No. 44u-28/2015 of 02.03.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).
8. Appeal determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Ryazan Regional Court No. 22-238/2015 of 07.04.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).

9. Lebedev, A.E. (2013) To question about qualification of group crimes. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia* . 24. pp. 213–218. (In Russian).
10. Volzhenkin, B.V. (2000) Nekotorye problemy souchastiya v prestupleniyakh, sovershennykh spetsial'nym sub'ektom [Some problems of complicity in crimes committed by a special subject]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1. pp. 12–16.
11. Galiakbarov, R.R. (1970) Yuridicheskaya priroda gruppy lits v ugovnom prave [The legal nature of a group of persons in criminal law]. *Sovetskaya yustitsiya*. 20. pp. 21–22.
12. Lysov, M. (1971) Yuridicheskaya priroda souchastiya v prestupleniyakh so spetsial'nym sub'ektom [Legal nature of complicity in crimes with a special subject]. *Sovetskaya yustitsiya*. 4. pp. 9–11.
13. Vlasov, Yu. (2007) Kvalifikatsiya deyaniya, sovershennogo s litsom, ne obladayushchim priznakami sub'ekta [Qualification of an act committed with a person who does not possess the characteristics of a subject]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 2. pp. 45–49.
14. Savel'ev, D. (2001) Legalizovat' otvetstvennost' za gruppovoy sposob soversheniya prestupleniya [To legalize liability for the group method of committing a crime]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 48–50.
15. Arutyunov, A. (2001) Problemy otvetstvennosti souchastnikov prestupleniya [Problems of liability of accomplices in a crime]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 3. pp. 3–5.
16. Kozlov A.P. (2001) *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: tradition and reality]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
17. Ushakov, A. (1972) Kvalifikatsiya prestupleniy, sovershaemykh chastnymi litsami v souchastii so spetsial'nym sub'ektom [Qualification of crimes committed by private individuals in complicity with a special subject]. *Sovetskaya yustitsiya*. 12. pp. 7–8.
18. Prozumentov, L.M. (2006) Nekotorye kriminologicheskie voprosy souchastiya v ugovnom prave RF [Some criminological issues of complicity in the criminal law of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 11. pp. 60–63.
19. The verdict of the Magnitogorsk Garrison Military Court No. 1-2/2015 of 03.03.2015. [Online] Available from: <https://rospravosudie.com>. (In Russian).
20. Vinokurov, V. (2009) Sposoby ukazaniya na sub'ekt pravootnosheniy i problemy kvalifikatsii [Methods of indicating the subject of legal relations and problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 4. pp. 12–16.
21. Rossiyskaya gazeta. (2008) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 09.12.2008 № 25 “O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv, a takzhe s ikh nepravomernym zavladeniem bez tseli khishcheniya” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of December 9, 2008 “On court practice in cases of crimes related to violation of traffic rules and operation of vehicles, as well as their misappropriation without the purpose of embezzlement”]. *Rossiyskaya gazeta*. 265. 26 December.
22. Pikurov, N.I. (2011) *Kvalifikatsiya transportnykh prestupleniy* [Transport crime qualification]. Moscow: RAJ.
23. Gertsenzon, A.A. (1948) *Ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Criminal law. General part]. Moscow: RIO VYuA.
24. Rossiyskaya gazeta. (1999) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.01.1999 № 1 “O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF)” [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 of January 27, 1999 “On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)”]. *Rossiyskaya gazeta*. 24. 9 February.

Received: 11 April 2018